

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В 1921–1925 гг. В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ФИНАНСОВОГО ОТДЕЛА

Рассматривается опыт восстановления налоговой системы в Томской губернии в условиях нэпа в контексте деятельности губернского финансового отдела. На основе архивного материала, губернской газеты исследуются основные направления деятельности томских налоговиков. Отмечается активное использование ими губернской газеты для объявлений, разъяснений, предупреждений, адресованных налогоплательщикам. Рассматриваются трудности, возникшие перед налоговиками в ходе перехода к ним от губпродкома сбора продналога. Показана особенность работы с жалобами и недоимками плательщиков.

Ключевые слова: губернский финотдел; продналог; налоги; сборы; жалобы; недоимки; фининспектор.

Актуальность изучения новой экономической политики (нэп) вызвана проблемами отечественной историографии и определенными тенденциями развития и положения современной России. Несмотря на то что нэп не обделен вниманием исследователей в различных регионах, по-прежнему ощущается слабость концептуальных подходов. Весьма противоречиво понимание природы нэпа, его места. И сегодня, на наш взгляд, популярна трактовка нэпа, господствовавшая еще в советской историографии, как вынужденного, временного и обреченного, поскольку на его базе нельзя было осуществить жизненно важную модернизацию экономики.

Менее распространена позиция, которая исходит из того, что индустриализация началась при нэпе, правда, при низкой по объективным и субъективным причинам эффективности инвестиций. Отказ же от нэпа был вызван не необходимостью ускорить темп индустриализации, а ошибочной политикой по отношению к деревне, тормозившей развитие крестьянских хозяйств [1. С. 109].

Еще более позитивно оценивал нэп академик Н.Н. Моисеев, полагавший, что в середине 1920-х гг. складывался прообраз будущего общества, не противоречившего российским традициям и идущего в направлении процесса самоорганизации общества. Этот рождавшийся новый тип общества не походил на капитализм XIX в. и был очень далек от большевистского военного коммунизма [2. С. 14].

Любопытно, что современные трактовки нэпа и его возможностей в модернизации страны перекликаются с тем, как пытались понять нэп его современники в 1920-е гг. Например, концепция нэпа начальника валютного управления наркомата финансов в 1920-е гг. профессора Л.Н. Юровского, сформулированная им в середине 1920-х гг., в чем-то схожа с позицией Н.Н. Моисеева. Современник нэпа увидел преимущества советского хозяйства в возможности с помощью плана, государственного регулирования дольше сдерживать напор стихийных сил, стремящихся разрушить систему хозяйственного равновесия [3. С. 5; 4. С. 48]. Л.Н. Юровский одним из первых поставил вопрос о возможности складывания товарно-социалистической формы хозяйствования как новой стадии товарно-денежных отношений, где закон стоимости не вытеснялся советской монополией, а лишь приводил к другим результатам, поскольку гос-

ударству-монополисту во всех случаях придется учитывать спрос и предложение, чтобы добиться хозяйственного равновесия [3. С. 18].

Помимо историографических вопросов нэп, на наш взгляд, остается интересен и в контексте современного положения России. Здесь и экономическая блокада Запада, а также ощущающаяся в последние годы необходимость новой индустриализации, что в свою очередь актуализирует опыт нэпа с его рыночными отношениями. Исторические уроки нэпа напоминают об опасностях, подстерегающих политику увлечения наращиванием уровня государственного регулирования в ведущих секторах народного хозяйства, пренебрежения основными законами товарно-денежных отношений, ущемления и ограничения частного капитала, которые приводят к устойчивому падению эффективности отечественной экономики.

Может быть, поэтому с введением в оборот новых, ранее не опубликованных архивных материалов по-прежнему сохраняются необходимость и потребность обращаться к истории нэпа. В свою очередь нэп в Сибири и конкретно в Томской губернии изучен весьма основательно. Вместе с тем, например, деятельность региональных финансовых органов, их роли в утверждении нэпа, на наш взгляд, исследованы фрагментарно. Целью данной статьи является попытка рассмотреть процесс восстановления налогов и их роли в утверждении товарно-денежных отношений в контексте деятельности Томского губернского финансового отдела в годы нэпа (осенью 1925 г. Томская губерния стала округом Сибирского края). Источниковой базой статьи послужили материалы губернского финансового отдела, губисполкома и газеты «Красное знамя».

Товарно-денежные отношения, на которых стала строиться новая экономическая политика, не могли обойтись без четко налаженных финансов. Они же за годы Гражданской войны были разрушены, и в течение 1921 г. продолжали разрушаться. Чтобы восстановить и стабилизировать денежную систему, нужно было сбалансировать доходы с расходами. Советское правительство в 1921 г. уменьшило затраты на государственный аппарат и вооруженные силы. Но только экономией проблема не решалась. Необходимо было обеспечить функционирование разного рода источников поступления средств прежде всего налогов. Однако налоги за годы военного коммунизма перестали играть главную роль в финансировании госу-

дарственных потребностей. Эту роль выполняли кон- трибуции, эмиссия денег и продразверстка.

Переход к новой экономической политике был ознаменован заменой продразверстки продналогом, который стимулировал крестьян к восстановлению и расширению хозяйства, увеличению производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Введе- ние продналога представляло собой важный шаг в переходе к товарно-денежному обмену. Крупнейшим прямым налогом стал промысловый налог, состояв- ший из патентного и уравнильного сборов. В 1922 г. государство ввело подоходно-поимущественный налог, чтобы усилить регулирование доходов различ- ных групп населения. Он должен был охватить все источники доходов.

В реализации налоговой политики ведущее место занимал губернский финансовый отдел (ГФО) в со- ставе губисполкома, являвшийся одновременно тер- риториальным органом Наркомфина. В структуре ГФО налоговое управление было ведущим. Штатный состав работников определялся губисполкомом и утверждался в НКФ. В середине 1922 г. руководитель губфинотдела В.Ф. Яргин полагал, что для томских финансистов нэп начался в июле 1921 г. с разработки положения о сборах, с разбивкой торговых заведений на категории. При этом он убеждал делегатов губерн- ского съезда советов в том, что финансы являются нер- вами развития сельского хозяйства и промышленно- сти и поэтому необходимо укреплять фискальный аппарат, ко- торый в значительной степени мог облегчить пережи- ваемый кризис. Заслуживает внимания и его ответ де- легату съезда, ратовавшего за использование трибунала против частника. Яргин отверг подобную идею, под- черкнув, что ГФО принимает репрессивные меры к неплательщикам налогов взиманием штрафов и пени, а если того требуют условия, то проводит это в судебном порядке [5].

ГФО в начале нэпа, в лице своего налогового управления, широко использовал губернскую газету «Красное знамя». Его материалы были разнообраз- ными: объявления, разъяснение, предупреждения и т.д. Так, в июле 1922 г. сообщалось о начале широкой гербовой ревизии во всех торгово-промышленных предприятиях города Томска. Местным же торговцам предлагалось срочно выбрать промысловые патенты на второе полугодие 1922 г., не ожидая особого объ- явления в газете или приглашения финансового аген- та. Подчеркивалось, что беспатентные торговцы бу- дут оштрафованы в пятикратном размере, также они будут штрафовать, если к 15 июля не представят заявлений о сумме оборота за вторую четверть года, необходимых для исчисления обложения уравниль- ного сбора на третью четверть 1922 г. [6]. Подобного рода объявления ГФО регулярно публиковал в гу- бернской газете [7, 8].

В целом губернский финотдел с помощью газеты пытался учить и воспитывать плательщиков налогов. Например, в конце января 1923 г. сообщалось о нача- ле работы районных налоговых комиссий по установ- лению окладов уравнильного сбора за 1-е полугодие бюджетного 1923/1924 г. Разъяснялось, что в течение

месяца со дня окончания работ по каждому финансо- вому району плательщики могли подавать в ГФО че- рез районных фининспекторов жалобы на неправиль- ное исчисление сборов и окладов уравсбора. Раскры- вались правила регистрации плательщиков и доход- ных источников, способы подачи деклараций [9, 10].

Трудности в налаживании налоговой работы были очень серьезные. Губернский финотдел в сентябре 1922 г., анализируя первые итоги своей деятельности, не смог дать исчерпывающей характеристики отно- шения населения к налоговым обязанностям. Кроме того, остро ощущались отсутствие дензнаков в боль- шинстве районов, удаленность от пунктов сбыта, не налаженность грунтовых дорог, что часто являлось почти непреодолимым препятствием к выполнению налоговых обязанностей в срок [11. Л. 13].

Еще одна особенность 1922 г.: к числу самых не- аккуратных плательщиков принадлежали государ- ственные предприятия и кооперативы. Именно здесь встречались массовые нарушения, и финансовому надзору приходилось вести постоянную борьбу [Там же. Л. 12]. В значительной степени это были послед- ствия военномундистической политики, неприятие, непонимание и упрощение финансового сектора эконо- мики, кстати, весьма характерные для значительной части членов компартии.

Отношения с населением губфинотдел оценивал весьма положительно. Так, в его отчете подчеркива- лось, что населения за 8 месяцев 1922 г. подало «всего 59 жалоб». Из них только 29 имели принципиальный характер: в них плательщики старались оспаривать применения к ним тех или иных разрядных ставок. Остальные были ходатайствами о сложении или от- срочки платежей и недоимок. Финансисты также от- мечали, что уже в 1922 г. крестьянство ратовало за замену натуралога денежной формой обложения. В целом же ГФО констатировал, что как государ- ственные, так и местные сборы поступали довольно исправно и в срок [Там же. Л. 12 об.].

Однако столь позитивный настрой осени 1922 г., на наш взгляд, объяснялся, во-первых, умеренностью начальных налоговых ставок, а во-вторых, малочис- ленный фискальный аппарат за два-три месяца был не в состо- янии выявить всех плательщиков губернии. Так, по информации фининспектора 2-го участка Томска от 16 сентября 1922 г. население участка, в своей массе малоимущее, находящееся в тяжелых материальных условиях. Положение владельцев имущества было ни- чем не лучше положения рабочих и служащих, так как для поддержания своего существования они по необходимости ликвидировали постепенно все, что имело какую-либо ценность на рынке [Там же. Л. 15–16]. Что до финансового аппарата, то в январе 1923 г. заместитель заведующего губфинотдела А. Леплейский сетовал на то, что «финагенты еще не натасканы в ра- боте среди крестьянской гущи», вследствие чего на местах финансовый контроль был очень слабым [12].

Не лучше было положение и крестьянства губер- нии в 1921/1922 г., с которым в основном работали сотрудники губпродкома своими «проверенными» методами. В январе 1922 г. Госинфсводка полномоч-

ного представителя ВЧК сообщала: в Щегловском уезде сессии ревтрибуналов присуждают неплательщиков к конфискации всего имущества. Настроение крестьян в Кузнецком уезде возбужденное. Отношение к Советской власти и компартии недоброжелательное. В конце февраля сводка констатировала, что для ускорения сбора продналога упорядком посланы дополнительно в уезды 250 красноармейцев. В середине марта указывалось, что злоупотребления продработников продолжаются по-прежнему: в Рождественской волости начпродотряда арестовал крестьян, при 28-градусном морозе держал их в холодном помещении, в Монастырской и Заборинской волостях неплательщиков налога партиями по 300–400 человек сажали в тесные помещения, гоняли полураздетыми по глубокому снегу [13. С. 565, 578, 589].

Однако сверху продолжали идти жесткие установки. Так, Томский губисполком 15 июня 1922 г. своим приказом устанавливал персональную ответственность (вплоть до привлечения к Ревтрибуналу) членов сельсоветов и волисполкомов за выполнение 100%-го продналога и составления поселенных и волостных списков обложения пашни, скота, едоков [14. Л. 25–25 об.]. Между тем, например, чуть ранее, в конце весны 1922 г., Щегловское уездное экономическое совещание не знало, как распределить и ликвидировать конфискованное за неуплату продналога имущество. На заготконторах сгруппировалась масса конфискованного скота, а продорганы не рационально использовали фураж, что угрожало сохранности скота [15. Л. 4, 6, 21].

На этом фоне ГФО, который приобщался к сбору продналога, был более осторожен и основателен. В конце сентября 1922 г., отвечая на циркулярное письмо Центроналога, томские налоговики, определяя размер и состав посевной площади по уездам, ссылались на материалы губстатбюро; что же до своих данных, то указывали лишь тенденции в изменении общей посевной площади, без подкрепления абсолютными показателями. При этом подчеркивали, что оба источника указывали на сильное сокращение посевной площади по сравнению с 1920 г. Общая посевная площадь в 1921 г. по губернии по сравнению с 1920 г. сократилась на 34% и на 30% сократилась в 1922 г. Обращалось внимание на пожелание населения заменить натуралог денежной формой обложения [11. Л. 4, 7, 12].

В связи с подобным подходом ГФО отмеченные выше злоупотребления продработников представляются бессмысленно жестокими, они во многом укрепляли недоверие к советской власти со стороны крестьянства, тормозили переход к провозглашенным рыночным отношениям, тем более на фоне возросшей мирной риторики и со стороны всех ветвей власти о наступившем облегчении для тружеников деревни.

Однако в докладе губфинотдела за октябрь 1923 г. отмечалось, что тяжесть работы по приему сельхозналога выпала не на продаппарат, как предполагалось до начала сбора, а на финансовый аппарат. Дело в том, что Наркомпрод и его территориальные органы, собиравшие продналог, в июле 1923 г. были ликвидированы. Губисполком же к просьбам о поддержа-

ке фиаппарата оставался глухим. Сложность налоговой компании заключалась еще в том, что налог был определен 60% натурой и 40% деньгами, а по отношению к общей сумме поступления это составляло 32,98% натурой и 67,02% деньгами [16. Л. 1]. Кстати, губисполком довольно часто игнорировал обоснованные просьбы о помощи своему финотделу.

Трудности по сбору налогов осенью 1923 г. резко возросли и по причине разразившегося первого кризиса нэпа, вошедшего в историю под названием «кризис сбыта». Мы разделяем мнения тех исследователей, которые не считают его системным. Подобные кризисы обычны для экономик с несовершенной системой конкуренции. Но способ, которым большевики с ним справились, заводил нэп в тупик, поскольку приказ синдикатам снизить отпускные цены никак не сочетался с рыночной экономикой, с ориентацией на прибыль. Монопольное ценообразование стало заменяться директивным. Усугубило кризис и решение Политбюро ЦК РКП (б) об увеличении военных расходов в связи с ожиданиями революции в Германии, что усилило эмиссию дензнаков.

Все это тормозило процесс укрепления рубля, усложняло деятельность финотдела. Не случайно в январе 1924 г. радиограмма из Москвы требовала принять срочные меры по полной ликвидации недоимочности по прямым, косвенным налогам, полному взысканию текущих платежей, усилить гербовые ревизии, особое внимание уделить подоходному налогу и обеспечить максимальные поступления в феврале–марте [17. Л. 32]. В марте 1924 г. губфинотдел задание по сбору налогов выполнил на 83,45% и отмечал негативное влияние денежного голода в результате проводимой денежной реформы [16. Л. 11 об.]. Действительно, при переходе на денежную форму сельхозналога именно недостаток денег в деревне затруднял выполнения задания по налогу. Из этого же отчета явствовало, что за половину 1923/1924 бюджетного года губернской комиссией было рассмотрено 493 жалобы на обложение, из них удовлетворено полностью – 359, частично – 24 и отклонено – 110. Жалоб на оштрафование рассмотрено 110, из них удовлетворено полностью 98, частично – 10 и отклонено 2. Рассмотрено заявлений плательщиков о сложении недоимок по несостоятельности 124 [16. Л. 12]. Приведенные данные указывали на серьезные проблемы в определении уровня обложения и наложения штрафов, что свидетельствовало о невысоком профессионализме, прежде всего, уездного звена.

К середине 1924 г. налоговое управление ГФО столкнулось с проблемой ликвидации недоимок. На наш взгляд, прежде всего это было связано с ростом прогрессии налогов на частника и зажиточных крестьян. В частности, об этом можно судить по материалам фининспекторов. Например, в августе 1924 г. фининспектор 1-го участка Кузнецкого уезда Дудин указывал на стагнацию частной торговли, объясняя это тем, «что по партийной и профессиональной линиям идет штурм по части подрыва авторитета частной торговли». Фининспектор 4-го участка Томского уезда в начале сентября 1924 г. обращал внимание

руководства ГФО на сокращение кустарных промыслов, объясняя их переобложением в прошлом промысловом и подоходным налогами, принудительной выборкой облигаций, чрезмерно тяжелым волостным сбором. По его информации, если отбросить скот, то налог прошлой кампании составлял 25% у зажиточных крестьян, 15% – у середняков и до 6% – у бедняков [18. Л. 4–4 об., 6–6 об.].

Конечно, наступление на частника и зажиточных крестьян усложняло выполнение налоговых заданий в срок и способствовало росту недоимок. Однако среди должников были государственные и кооперативные предприятия. Так, постановление губернской РКИ отмечало, что проведенный ГФО месячник по ликвидации недоимок, подлежащих погашению государственными торгово-промышленными и кооперативными организациями, задолженность не сократил, а наоборот, она возросла. Авторы документа полагали, что многие госорганы и кооперативные объединения систематически не только запаздывают, но и уклоняются от своевременной уплаты государственных и местных налогов, особенно попенной платы [19].

Вместе с тем была еще одна серьезная проблема, которая влияла на рост недоимок, – недостаток денежных знаков не только у сельского населения, но у всех субъектов рынка. На это указывал обзор хозяйства Томской губернии за август 1924 г. [20]. Данная проблема была следствием завершившейся денежной реформы, когда Госбанк и Наркомфин осуществляли осторожную эмиссионную политику, стремясь сократить дефицит бюджета.

Губфинотдел являлся основным звеном в ликвидации недоимок. В ноябре 1924 г. отдел провел совещание налоговых работников губернии по задолженности государственных предприятий, кооперативных организаций и частных плательщиков. Фининспекторов обязали дать объяснения по списку должников к 21 ноября и ликвидировать недоимочность по участкам к 1 декабря. На совещании задумались об изжитии недоимочности в будущем. Из обмена мнений о причинах недоимочности выяснилось, что на увеличение недоимочности влияет: неравномерность обложения, происходящая из-за недостаточного знакомства фининспектора с участками ввиду перегруженности работой по канцелярии, непредставление в суд необходимых материалов финработниками. В итоге решили принять все меры к уменьшению взысканий принудительным путем, обязав фининспекторов основательнее изучать свои участки для определения правильного обложения. Кроме того, им предложили представить проект по упрощению учета и отчетности [17. Л. 75–75 об.].

Действительно, фининспекторы были сверхперегружены канцелярской работой и часто на это указывали в своих отчетах. Между тем данную проблему в губфинотделе пытались решить еще в 1923 г. Однако в условиях сохранения многочисленных налогов и сборов, а также большого числа плательщиков снизить загруженность фининспекторов можно было только за счет дробления финансовых участков и увеличения их штатов и передачи части полномочий

уездным и волостным исполкомам. В 1923–1925 гг. ГФО так и поступал. Например, личный состав отдела и его периферийных органов на 1 апреля 1924 г. – 647 человек [16. Л. 11]. Это был пик численности. Однако уже осенью Уполнаркомфина по Сибири потребовал сократить штат до 496 человек [21. Л. 24]. В итоге на конец апреля 1925 г. штат ГФО составлял 499 человек [22. Л. 57 об.].

Не удалось решить проблему перегруженности фининспекторов и с помощью делегирования полномочий районным и уездным исполкомам, которые имели налоговые столы. Как правило, руководство этих советских органов отказывалось выполнять установки и распоряжения фининспекторов, связанные с организацией сбора налогов. Весьма типичной представляется картина, описанная в конце 1924 г. губинспектором А. Леплейским во время инспектирования 3-го участка Мариинского уезда. По подоходному налогу у фининспектора не было материала для выработки норм чистой доходности, по единому сельхозналогу – данных о раздаче окладных листов плательщикам. Фининспектор просил Зырянский райисполком принять меры по ликвидации недоимок, но последний отказывался заниматься этой проблемой. Губинспектор, подытоживая результаты инспектирования, указывал, что инертность деятельности райисполкомов, отсутствие подготовленных заведующих налоговыми столами, которые могли бы выполнять не только техническую работу, недостаточность средств на командировки по району, не позволяли фининспектору сделать больше, чем сделано [23. Л. 3–3 об., 4], т.е. фактически снимал значительную часть ответственности с финансовой инспекции.

На наш взгляд, подобная ситуация во много была связана с проходившим районированием. Райисполкомы, которые охватывали значительные территории прежних уездов и волостей, слабо представляли свои полномочия и ответственность. В свою очередь губфинотдел, сумевший наладить удовлетворительные взаимоотношения с уездными исполкомами через свои уездные отделы, оказался без достаточных полномочий в отношениях с райисполкомами. В итоге росла недоимка по налогам, которая во многом объяснялась выше отмеченными проблемами, а не дисциплинированностью плательщиков.

Перегруженность фининспекторов приводила и к росту жалоб на начисленные ставки. Так, только по уравнительному сбору по губернии за первое полугодие 1924/1925 г. на апелляцию поступило 212 жалоб, на долю частника пришлось 95,75%, на государственные и кооперативные – 4,25%. При этом жаловались 65,27% всех частников, из них были удовлетворены полностью или частично 42,85% и отказано 57,14% [24. Л. 50–50 об.]. Обращает на себя внимание высокий уровень неудовлетворенности частного капитала. На наш взгляд, прежде всего, это объяснялось растущей тяжестью налогов. Достаточно посмотреть, что выставлялось губфинотделом на торги неплательщиков налога, чтобы убедиться в этом. Например, в начале июля 1924 г. ГФО выставил на торги такое имущество недоимщиков: у одного – комод; у другого

самовар, 3 стола, скатерть, 3 картины, кухонный шкафчик; у третьего – 3 венских стула [25]. Очевидно, что владельцы указанного имущества вряд ли могли претендовать на категорию «зажиточных», т.е. часть недоимщиков разорялась под налоговым прессом.

Вместе с тем, судя по отчетам, томский губфинотдел справлялся с выполнением планов по сбору налогов. В целом ГФО за 1921–1925 гг. сумел восстановить налоговую систему в губернии и внес свой посильный вклад в общий успех денежной реформы и сокращения дефицита бюджета страны. Однако к середине 1920-х гг. выявилось отсутствие единого подхода к обложению. В податной системе совместились три расходящихся принципа: деградации, пропорциональности и регрессии. Налогоплательщик очутился в зависимости от усмотрения регулирующего налогового органа, а не закона [26. С. 144].

Именно это по большому счету и вело к сверхперегрузке финансовых инспекторов, обостряло про-

блему недоимок, порождало рост жалоб плательщиков на фоне весьма успешного восстановления народного хозяйства. Исследователи нэпа в большинстве едины в том, что частный капитал способствовал развитию экономики, был часто более эффективным по сравнению с государственными и особенно кооперативными организациями. Несмотря на это, с помощью налогов и административных мер его пытались ликвидировать, т.е. в угоду политики наносился ущерб всему хозяйству. По нашему мнению, опыт, накопленный губфинотделом в области налогов, свидетельствовал о необходимости уже в 1925 г. реформирования налоговой системы. Ее основные предполагаемые составляющие: стабильность, принципиальное сокращение числа налогов и сборов, и при сохранении прогрессии, соблюдение интересов эффективных налогоплательщиков. Подобные предложения звучали в 1920-е гг. со стороны «буржуазных» специалистов, работавших в Наркомфине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голанд Ю. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 109–135.
2. Моисеев Н.Н. Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1999. № 9–12. С. 5–20.
3. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия советской хозяйственной системы // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 3–13.
4. Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и задачи экономической политики. М. : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. 51 с.
5. Красное знамя. 1922 12 июля.
6. Красное знамя. 1922. 9 июля.
7. Красное знамя. 1922. 19 июля.
8. Красное знамя. 1923. 14 нояб.
9. Красное знамя. 1923. 31 янв.
10. Красное знамя. 1923. 2 февр.
11. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-175. (Финансовый отдел губисполкома). Оп. 1. Д. 142.
12. Красное знамя. 1923. 27 янв.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1: 1918–1922 гг. М. : РОССПЭНС, 1998. 864 с.
14. ГАТО. Ф. Р-173 (Томский губисполком). Оп. 1. Д. 146.
15. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 210.
16. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 74.
17. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 54.
18. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 119.
19. Красное знамя. 1924. 18 нояб.
20. Красное знамя. 1924. 28 сент.
21. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1 Д. 109
22. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 103.
23. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 484.
24. ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 501.
25. Красное знамя. 1924. 28 июля.
26. Дегтев С.И. Реформа денежной системы в нэповской России // Денежные реформы в России: История и современность : сб. ст. М. : Древлехранилище, 2004. С. 133–152.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2016 г.

REINSTATEMENT OF THE TAX SYSTEM IN 1921–1925 WITHIN THE TOMSK PROVINCIAL FINANCE DEPARTMENT ACTIVITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 61–66.

DOI: 10.17223/15617793/407/10

Grik Nikolay A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grik_na@mail.ru

Keywords: Provincial Finance Department; Prodnalog; taxes; charges; complaints; arrears; financial inspector.

The aim of this article is to explore the experience of the reinstatement of the tax system in Tomsk Province under the conditions of the New Economic Policy within the framework of the provincial finance department. The author analyzes main directions of Tomsk taxmen activities using the archive material. The commodity-money relations, which the New Economic Policy began to build, could not do without well-established finance. It was necessary to ensure the functioning of different kinds of sources of income funds and, above all, taxes. However, taxes for the years of military communism ceased to play a major role in the financing of public needs. This role was played by indemnities, issuance of money and requisitioning. The introduction of the Prodnalog was an important step in the transition to the commodity-money exchange. The largest direct tax was the tax on trade consisting of patent

and equalizing charges. In 1922, the government introduced the income-property tax to strengthen regulation of income of different population groups. It had to cover all sources of income. In the implementation of the tax policy, a leading role belonged to the Provincial Finance Department (PFD) as part of the Provincial Executive Committee and a territorial body of the People's Commissariat for the Finance (PCF). The Tax Office was the leading one in the structure of PFD. The staff were determined by the Executive Committee and approved in PCF. PFD, represented by the Tax Office, actively used the provincial newspaper *Krasnoye znamya*. Its materials were varied: announcements, explanation, warnings, etc. In general, PFD, with the help of the newspaper, tried to teach and educate taxpayers. Tax recovery did not go easy. Thus, state-owned enterprises and cooperatives were the most inaccurate payers with massive violations, especially at the beginning of the NEP, and financial supervision had to wage a constant struggle. Since 1923, the Provincial Finance Department became responsible for receiving the Prodnalog, as the People's Commissariat and its territorial bodies which previously collected the Prodnalog were eliminated in July 1923. There were enormous difficulties caused not by only the plight of the majority of farmers in the region, but also by the inheritance received from the Gubprodkom (Provincial Food Committee), because its representatives often adhered to the principle of "the end justifies the means". In addition, the problems associated with the growth of arrears of taxes exacerbated after the completion of the monetary reform. PFD had to expend considerable effort to reduce them. Growth of arrears can be largely explained by the imperfection of the tax system, which was in need of reform. In general, according to reports, Tomsk Provincial Finance Department carried out plans for taxes, thereby contributing to the implementation of the currency reform, the reduction of the country's budget deficit.

REFERENCES

1. Goland, Yu. (2013) The Experience of Industrialization under NEP and Its Application in the Current Conditions. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 109–135. (In Russian).
2. Moiseev, N.N. (1999) Revolyutsiya ili stagnatsiya? [Revolution or stagnation?]. *Svobodnaya mysl'*. 9–12. pp. 5–20.
3. Yurovskiy, L.N. (1926) K probleme plana i ravnovesiya sovetskoy khozyaystvennoy sistemy [On the problem of the plan and the balance of the Soviet economic system]. *Vestnik finansov*. 12. pp. 3–13.
4. Yurovskiy, L.N. (1926) *Nashe khozyaystvennoe polozhenie i zadachi ekonomicheskoy politiki* [Our economic situation and tasks of economic policy]. Moscow: Finansovoe izd-vo NKf SSSR.
5. *Krasnoye znamya*. (1922). 12 July.
6. *Krasnoye znamya*. (1922). 9 July.
7. *Krasnoye znamya*. (1922). 19 July.
8. *Krasnoye znamya*. (1923). 14 November.
9. *Krasnoye znamya*. (1923). 31 January.
10. *Krasnoye znamya*. (1923). 2 February.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 1. File 142. (In Russian).
12. *Krasnoye znamya*. (1923). 27 January.
13. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (1998) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPENS.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173 (Tomskiy gubispolkom). List 1. File 146. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 210. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 1. File 74. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 1. File 54. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 1. File 119. (In Russian).
19. *Krasnoye znamya*. (1924). 18 November.
20. *Krasnoye znamya*. (1924). 28 September.
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 1 File 109. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 2. File 103. (In Russian).
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 2. File 484. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-175. List 2. File 501. (In Russian).
25. *Krasnoye znamya*. (1924). 28 July.
26. Degtev, S.I. (2004) Reforma denezhnoy sistemy v nepovskoy Rossii [The reform of the monetary system in the NEP Russia]. In: Tyurina, E.A. (ed.) *Denezhnye reformy v Rossii: Istoriya i sovremennost'* [Currency reforms in Russia: History and Modernity]. Moscow: Drevlekhramilishche.

Received: 13 April 2016